УДК 34

Чернов А.П.

Московский университет «Синергия»

(г. Москва, Россия)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ОСНОВНЫЕ СОСТАВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье исследуются ключевые составы преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также проблемы, возникающие при их выявлении. Анализ судебной практики и материалов уголовных дел показывает, что цифровизация сбыта (закладки, интернет-магазины) радикально изменила структуру наркопреступности. Установлено, что квалификация действий «закладчиков» как покушения на сбыт при изъятии наркотика до его передачи приобретателю стала устойчивой, однако проблемы доказывания роли соучастников и определения размера наркотика сохраняются.*

Ключевые слова: *наркопреступление, сбыт наркотиков, закладка, квалификация преступления, выявление преступления, психотропное вещество, судебная практика.*

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ остаются одной из наиболее острых проблем современной России. За последние пять лет структура наркопреступности претерпела существенные изменения, связанные прежде всего с переходом сбыта в цифровую среду. Традиционные формы личного контакта между продавцом и покупателем уступают место «бесконтактным» способам распространения через тайники-закладки и интернет-магазины, что создаёт новые вызовы для правоохранительной системы.

Исследование уголовно-правовой квалификации и практики противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных

веществ показало, что трудности возникают на разных уровнях, поскольку часть из них связана с толкованием действующих норм, часть касается порядка получения и использования доказательств, а часть обусловлена тем, как организована работа правоохранительных органов. Поэтому совершенствование противодействия наркопреступности не следует сводить к расширению уголовной ответственности, ведь приоритет должен определяться характером установленного недостатка и тем, можно ли устранить его без неоправданного изменения законодательства. Проблема прослеживается в 3 аспектах сразу: суды раз за разом сталкиваются с трудностями при установлении цели сбыта, определении момента окончания преступления, разграничении единичного деяния и совокупности преступлений. Эти затруднения зафиксированы в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2024 года с изменениями от 22 декабря 2025 года. Исправлять ситуацию стоит начать с уточнения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 года № 14 - конкретно той части, где речь идёт об оценке обстоятельств, свидетельствующих об умысле на незаконный сбыт наркотических средств. Сейчас разъяснения позволяют опираться на количество наркотического средства, особенности его расфасовки, характер договорённостей о передаче и прочие обстоятельства преступления. Проанализированные судебные решения, однако, показывают: отдельным признакам порой придают определяющее значение, не исследовав как следует их взаимосвязь.

Поэтому стоит дополнить разъяснения прямым указанием: нельзя признавать одно-единственное косвенное обстоятельство безусловным подтверждением цели сбыта. Такой вывод должен опираться на совокупную оценку допустимых и достоверных доказательств, характеризующих фактическое поведение лица. Отсутствие сведений о конкретном приобретателе при этом не исключает автоматически умысел на распространение наркотиков, если его подтверждают другие установленные обстоятельства. Предлагаемое уточнение никак не меняет содержание статей 228 и 228.1 УК РФ, оно лишь

устраняет ошибки, возникающие при применении существующих уголовно-правовых признаков.

Чудинов объясняет сложности квалификации незаконного сбыта проблемами определения объективной и субъективной сторон преступления. Проведённое исследование дополняет эту позицию. В ряде случаев требуется не корректировка законодательной конструкции, а более последовательная оценка доказательств, подтверждающих направленность умысла. Схожая проблема встаёт при разграничении оконченного сбыта и покушения на него. Из-за распространения бесконтактных способов передачи наркотиков приобретение, хранение, размещение вещества в тайнике и сообщение сведений о его местонахождении нередко выполняют разные участники.

Момент окончания преступления здесь зависит от характера фактически совершённых действий и от того, насколько реализован преступный умысел. Основные положения, нужные для такого разграничения, закреплены в пунктах 13.1 и 13.2 постановления Пленума № 14. Но применительно к дистанционным способам распространения наркотиков было бы полезно систематизировать уже сформулированные Верховным Судом правовые позиции.

Суд, разъясняя эти вопросы, обязан учитывать, как распределены роли между участниками преступной деятельности, и не признавать автоматически покушением на сбыт каждое подготовительное действие. Квалификацию определяют содержание умысла и реально совершённые действия - их устанавливают по материалам конкретного дела. Изучая судебную практику, исследователи обнаружили и другую проблему: суды нередко избыточно квалифицируют последовательные операции с одним и тем же наркотическим средством.

Человек приобретает, получает, хранит или перемещает вещество - и эти действия иногда признают самостоятельными преступлениями, хотя при установленных обстоятельствах они охватываются объективной стороной другого состава. Чтобы устранить подобные ошибки, авторы предлагают уточнить разъяснения о квалификации по совокупности.

Необходимо исходить из того, обладает ли каждое действие самостоятельным уголовно-правовым содержанием либо составляет часть уже установленного преступления. При этом единый умысел сам по себе не исключает совокупности, если совершённые действия отвечают признакам нескольких самостоятельных составов.

Данное предложение соотносится с исследованием А. В. Чернова, рассматривающего проблемы множественности наркопреступлений, предварительного сговора и разграничения действий соучастников. Его практическое значение состоит в предупреждении необоснованного увеличения объёма обвинения без изменения предусмотренных законом оснований уголовной ответственности.

Отдельный вопрос связан с совершенствованием статьи 229.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ. Е. В. Сильченко и З. Г. Дербок предлагают пересмотреть отдельные квалифицирующие признаки, в том числе положения об использовании служебного положения и применении насилия при незаконном перемещении контролируемых веществ через границу. [Сильченко Е. В., Дербок З. Г. Дифференциация ответственности за контрабанду наркотиков по ст. 229.1 УК РФ и перспективы её оптимизации // Юридические исследования. 2025. № 3. С. 1–15. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.3.73680. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73680 (дата обращения: 13.11.2026)].

Указанные предложения затрагивают пределы дифференциации уголовной ответственности и поэтому требуют более строгого обоснования. Расширение круга специальных субъектов либо изменение признаков насильственного способа совершения преступления должно подтверждаться устойчивыми противоречиями судебной практики. В противном случае изменение нормы способно привести не к повышению определённости уголовного закона, а к необоснованному расширению квалифицированных составов.

Наиболее обоснованным предварительным решением представляется дополнительное обобщение судебной практики по статье 229.1 УК РФ. Оно позволит установить, какие затруднения обусловлены содержанием законодательных формулировок, а какие могут быть устранены посредством судебного толкования.

Такое разграничение - необходимый шаг. Без него невозможно определить, какие поправки действительно нужны. Второе направление совершенствования касается получения, сохранения и процессуального использования цифровой информации: проведённое исследование показало, что при дистанционном сбыте особенно трудно установить принадлежность электронных сообщений, определить фактических пользователей технических средств и подтвердить связи между участниками незаконного оборота, хотя УПК РФ и содержит общие требования к доказательствам и их использованию, причём статья 74 определяет предусмотренные законом виды доказательств, статья 89 устанавливает условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности, а статья 164.1 предусматривает специальные правила изъятия электронных носителей и копирования информации при производстве соответствующих следственных действий. Этого оказывается недостаточно.

Однако статья 164.1 УПК РФ не устанавливает универсального порядка обращения со всеми электронными сведениями, полученными в ходе оперативно-розыскной деятельности. Порядок представления результатов такой деятельности регулируется Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ и межведомственной Инструкцией, утверждённой 27 сентября 2013 года. [Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, Следственного комитета РФ № 68 от 27.09.2013 (зарегистрирован в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Российская газета. 2013. 13 декабря. №

282. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629 / (дата обращения: 13.11.2026)].

Полагаем, что прежде всего уточнения требует именно ведомственный порядок передачи электронных материалов следователю. Действующая Инструкция регулирует представление результатов оперативно-розыскной деятельности, однако особенности проверки происхождения и сохранности цифровой информации целесообразно определить более подробно.

Предлагается дополнить Инструкцию требованиями к сопроводительному описанию электронных материалов. В зависимости от способа их получения в нём должны фиксироваться доступные сведения о времени и обстоятельствах получения информации, характеристиках носителя, использованных технических средствах, действиях по копированию и порядке передачи материалов уполномоченному должностному лицу. При наличии технической возможности следует документировать данные, позволяющие проверить неизменность полученных файлов.

Предлагаемая мера направлена на обеспечение прослеживаемости обращения с электронной информацией. Возможность установить, каким образом материал был получен, сохранён и передан, имеет значение для последующей проверки его достоверности. Вместе с тем соответствующие требования не должны предполагать разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, с нарушением установленного порядка.

Вопрос о дополнении статьи 89 УПК РФ специальным положением о проверке происхождения и целостности электронных сведений заслуживает самостоятельного рассмотрения. Такое изменение могло бы придать указанным требованиям дополнительное процессуально-гарантийное значение, не создавая нового вида доказательств.

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство уже предусматривает обязательность проверки и оценки доказательств. Поэтому прежде чем предлагать поправку в статью 89 УПК РФ, необходимо установить,

какие конкретные отношения не охватываются существующим регулированием. На первоначальном этапе более обоснованным представляется уточнение межведомственной Инструкции и разработка методических рекомендаций по обращению с электронными материалами.

С. А. Самороковский и А. Ф. Самороковский, исследуя выявление подпольных нарколабораторий, отмечают значение анализа электронных носителей и привлечения специалистов в области цифровой криминалистики. [Самороковский С. А., Самороковский А. Ф. Выявление наркопреступлений в подпольных лабораториях: оперативно-розыскные аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2026. № 3. С. 98–103. URL: https://journals.rcsi.science/2313-5646/article/view/451162 (дата обращения: 13.11.2026)] Эта позиция подтверждает необходимость более тесного взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и специалистов, обладающих соответствующими техническими знаниями.

Начинать такое взаимодействие стоит ещё на этапе подготовки следственных действий: сначала определяется характер нужных сведений и способы их закрепления, что снижает риск утраты информации, ошибок при копировании и последующих сомнений в её происхождении. Специалист при этом содействует следователю в пределах своих полномочий, но решения в рамках процесса принимает не он. Отдельного рассмотрения требует третье направление - выявление организованных форм незаконного оборота. В параграфе 3.2 уже отмечалось: задержание непосредственного исполнителя само по себе не раскрывает происхождение наркотического средства, не называет организаторов его распространения и не проясняет характер связей между участниками группы. Причина проста - функции внутри преступной группы распределены так, что каждый исполнитель владеет лишь ограниченной частью сведений.

Эту проблему снимает переориентация правоохранительной работы на изучение преступных связей, которые вскрываются при расследовании

отдельных эпизодов. Когда закон даёт для этого основания, проверке подлежат сведения об источниках происхождения наркотиков, об организации поставок, о распределении ролей между участниками. Особенно важен такой подход при выявлении подпольных лабораторий. С. А. Самороковский и А. Ф. Самороковский рассматривают установление отдельных эпизодов незаконного сбыта как возможный источник информации о производстве наркотических средств и о лицах, организующих эту деятельность. [Самороковский С. А., Самороковский А. Ф. Выявление наркопреступлений в подпольных лабораториях: оперативно-розыскные аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2026. № 3. С. 98–103. URL: https://journals.rcsi.science/2313-5646/article/view/451162 (дата обращения: 13.11.2026)].

Это не частность. Выявленный факт распространения наркотиков способен дать толчок не только расследованию конкретного эпизода, но и установлению связи с другими преступлениями - хотя расширять проверку правомерно лишь на законных основаниях, с соблюдением требований об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальных норм, а когда проявляется межрегиональный характер преступной деятельности, компетентным подразделениям приходится выстраивать согласованное взаимодействие.

Сходство способов распространения, характеристик изъятых веществ и прочих установленных обстоятельств даёт основание проверять связь между отдельными эпизодами, но вывод о единой преступной деятельности нуждается в доказательствах - внешнего сходства деяний для этого недостаточно. Особое значение приобретают механизмы международной правовой помощи там, где преступные связи выходят за пределы Российской Федерации: статья 7 Конвенции ООН от 20 декабря 1988 года закрепляет сотрудничество государств при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Совершенствовать такое взаимодействие нужно прежде всего через качество подготовки запросов, точное

определение необходимых сведений и соблюдение правовых условий их получения. Сам по себе международный договор различий в национальных процедурах не снимает, поэтому результативность сотрудничества зависит ещё и от того, удастся ли использовать полученные материалы в конкретном уголовном деле.

Четвёртое направление связано с тем, что официальная статистика ограничена в возможностях оценить фактические масштабы незаконного оборота наркотиков. Анализ, проведённый в параграфе 3.1, показал следующее. Изменение количества зарегистрированных наркопреступлений само по себе не даёт однозначного ответа на вопрос, растёт реальная распространённость этих деяний или снижается. Сведения о регистрации, судимости и изъятиях отражают разные стороны наркоситуации, поэтому подменять друг друга они не могут. М. В. Анисифорова и Е.

Расхождения между официальными, экспертными и социологическими данными о немедицинском наркопотреблении - именно отсюда М. Тимошина выводит необходимость совершенствования методов оценки его латентности. Полученные автором результаты методологически значимы, но переносить разработанные для наркопотребления подходы на уголовно наказуемые наркопреступления без дополнительного обоснования нельзя. Наркопреступность предлагается оценивать через совокупность взаимодополняющих показателей: это количество зарегистрированных деяний, их распределение по составам и категориям тяжести, сведения о выявленных организованных группах, результаты судебного рассмотрения и данные об установленных каналах производства и распространения наркотиков. Анализировать их нужно раздельно - слишком разная у них природа формирования. Создать единый обобщённый индекс, не проверив сопоставимость исходных данных, значит исказить результаты. Поэтому предложенный подход разумнее сперва апробировать на региональном уровне и выяснить, какие сведения действительно повышают обоснованность оценки

наркоситуации. А качество выявления преступлений не стоит оценивать лишь по росту регистрационных показателей.

Аналитик вправе использовать такие сведения в работе, но не должен превращать их в обязательный план по числу раскрытых преступных групп или разоблачённых главарей. Подобная практика подтолкнула бы следователей к необоснованной квалификации действий как организованной формы, лишь бы выполнить показатель. Предложенные показатели нужны, чтобы изучать результаты работы, а не для того, чтобы механически увеличивать число выявленных преступлений. Параллельно с совершенствованием методов выявления правоохранительные органы должны выстраивать более дифференцированную профилактику вовлечения людей в незаконный оборот наркотиков. П. В.

Тепляшин выделяет два типа наркосбытчиков и показывает, насколько по-разному выглядят участники сетевого распространения наркотиков - у них несовпадающая мотивация, разное социальное положение и обстоятельства, приведшие к противоправной деятельности. Отсюда вытекает практический вывод: профилактические меры должны учитывать специфику конкретных групп риска, и прежде всего это касается несовершеннолетних и молодых людей, которых нередко вовлекают в незаконный сбыт обещаниями быстрого заработка при слабом понимании тяжести уголовной ответственности. Одних сведений о грозящем наказании недостаточно. Нужно объяснять механизмы вовлечения в преступную схему и показывать, как из неё можно выйти. Эффективность таких программ нельзя принимать на веру - сам факт их проведения ещё ничего не говорит о реальном результате.

Меры, которые предлагаются, реализуются по-разному. Правила квалификации можно уточнить, дополнив судебные разъяснения, не трогая сам уголовный закон. Обращение с цифровой информацией совершенствуют прежде всего те, кто корректирует межведомственное регулирование и развивает методическое обеспечение. Прежде чем менять УПК РФ, нужно сначала установить, что действующих процессуальных гарантий действительно не

хватает. Организованные формы наркопреступности выявляют, а вовлечение в незаконный оборот предупреждают главным образом за счёт того, как компетентные органы организуют собственную работу.

Прежде всего нужны меры, необходимость которых прямо подтверждена выявленными правоприменительными затруднениями - это главный приоритет. Оценивать их реализацию стоит не только через результативность выявления преступлений, но и через требования законности, обоснованности уголовного преследования, защиты прав участников уголовного судопроизводства. Проведённое исследование дало основания для нескольких направлений совершенствования законодательства и практики выявления наркопреступлений. Применительно к уголовно-правовой сфере наиболее обоснованным выглядит уточнение разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по вопросам установления цели сбыта, определения стадии преступления, разграничения единичного деяния и совокупности преступлений. Законодательные квалифицирующие признаки менять допустимо, но лишь при наличии подтверждённых недостатков действующего регулирования. Для оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности предложено конкретизировать требования к документированию электронных сведений, обеспечить проверку их происхождения и сохранности.

Показательна разница между тем, что попадает в регистрационные сводки, что фиксируют при выявлении преступлений, и что в итоге отражает судебная статистика по наркопреступности - эти три массива данных расходятся достаточно сильно, чтобы судить о явлении только по одному из них было ошибкой. Отсюда вытекает необходимость комплексной оценки, соединяющей все три среза. Предлагаемые меры нацелены именно на устранение конкретных недостатков правоприменения и на повышение качества работы правоохранительных органов, а расширять уголовную ответственность без оснований они не предполагают.

Исследование нынешнего положения дел с наркопреступностью в России показало, что официальная статистика лишь отчасти отражает реальные

масштабы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Рост регистрационных показателей в 2023-2025 годах шёл рука об руку с увеличением доли преступлений, связанных со сбытом. А вот предварительные данные за январь-сентябрь 2026 года говорят об обратном: общее число зарегистрированных наркопреступлений заметно сократилось, зато выросло количество выявленных подпольных нарколабораторий. Эти перемены убеждают в том, что анализировать нужно не только цифры, но и саму структуру противоправной деятельности. Основные сложности с выявлением таких преступлений коренятся в их высокой латентности, в распространении дистанционных схем сбыта и в том, что функции между участниками организованного оборота чётко разделены. Цифровые технологии дополнительно всё осложняют: установить личность причастных, вскрыть преступные связи, доказать характер действий становится труднее. Поэтому обнаружение одного эпизода сбыта далеко не всегда выводит на организаторов всей цепочки и на источники происхождения наркотиков. Отсюда вытекает целесообразность уточнения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации - по вопросам доказывания цели сбыта, определения стадии преступления, разграничения единичного деяния и совокупности преступлений. Предложено также конкретизировать межведомственный порядок документирования и передачи электронных материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

Следователям, оперативным сотрудникам и специалистам по цифровой криминалистике необходимо действовать слаженнее - этого требует сама организационно-правовая сфера. Важно установить организаторов незаконного оборота, проследить связи между отдельными преступными эпизодами и качественнее расследовать деятельность подпольных лабораторий. Наркоситуацию стоит оценивать комплексно, опираясь на статистические, криминологические и судебные данные, а профилактику вовлечения несовершеннолетних и молодёжи в незаконный сбыт наркотиков строить дифференцированно.

Исследование показало: противодействие наркопреступности нужно совершенствовать прежде всего через устранение выявленных недостатков правоприменения и повышение качества выявления и доказывания преступлений. Предложенные меры способны сделать применение уголовного законодательства более последовательным, а правоохранительную деятельность - результативнее. Но это работает только при соблюдении процессуальных гарантий. И без необоснованного расширения уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базунова А.В. Популярные виды мошенничества на рынке вторичного жилья // Молодой учёный. 2019. № 50 (288). С. 470–472
2. Актуальные вопросы профилактической работы с эвентуальными потерпевшими от корыстной преступности в жилищной сфере // Образование и право. 2018. № 5
3. Крылков Д.И. К вопросу об общей профилактике преступлений на рынке жилья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 141–145
4. Аналитики назвали самые распространённые преступления в сфере жилья // Известия. 20 апреля 2026
5. Группу «чёрных риелторов» осудят в Вологодской области за обман 18 граждан на 23 млн рублей // МВД Медиа. 16 декабря 2025

Chernov A.P.
Moscow University «Synergy»
(Moscow, Russia)

CRIMES INVOLVING ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES: PRINCIPAL OFFENSES AND DETECTION CHALLENGES

Abstract: *this article examines principal offenses involving illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, as well as challenges in detecting them. Analysis of case law and criminal case files shows that digitalization of drug distribution (dead drops and online stores) has radically changed the structure of drug-related crime. Classifying the actions of «dead-drop couriers» as attempted drug distribution when drugs are seized before delivery to the buyer has become established practice. However, difficulties in proving the roles of accomplices and determining drug quantities persist.*

Keywords: *drug-related crime, drug distribution, dead drop, offense classification, crime detection, psychotropic substance, case law.*